

Юлия Пикалова

Антивоенные стихи

Залить глаза поэзией

Залить глаза поэзией. залечь
лицом к стене. зажмурить крепче веки
слезами внутрь. замереть. заснуть
и видеть сны. проклятая страна.
больная родина. какие метастазы!
оставь надежду всяк сюда входящий.
оставь надежду всяк идущий мимо.
оставь надежду всяк лежащий тихо
слезами внутрь. оставь надежду всяк.

Залей глаза поэзией. зажми
лицо живое в гипсовую маску.
ведь гипс не плачет. ведь слезам не верит
столица нашей родины Москва.
объятья наши, как броня, крепки
и танки поворотливы и быстры.
хотим послать воздушный поцелуй –
отправится воздушная тревога.
и потому зальем глаза. заляжем
зубами к стенке. стиснем их. и будем
лежать, покуда метастазный Китеж
не скроется под мертвою водой.

Поля

Как мы враз постарели
На родном рубеже.
Это сточное время
Нам по горло уже.

В урожае убиться
Чи на голій землі?..
Мы сжигаем пшеницу,
Чтоб саперы прошли.

Русский

Без страны, без надежды, без веры –
Только тело осталось (с) тобой –
Ты глядишь, как фанатики веры
Твоих братьев ведут на убой.

Но кому ты заплачешь об этом,
Пораженец, удравший на йух,
С красным паспортом – волчьим билетом,
С языком, на котором не вслух?..

Опера

«Принесли его домой – оказался он живой».

Детская считалочка

Глаз устал
от столичного лоска.
Он неласков.
Он нагл.
Но зато

Крупным шрифтом
обещана
Тоска,
И сейчас
это самое то.

Я люблю
эти страшные страхи,
где известен финал наперед:
Мертвый тенор
в кровавой рубахе
под овации зала
встает –
И смеется,
убийцу целуя,
и братается
с кровным врагом,
И такая кругом
аллилуйя,
и такие
восторги кругом,
И по самую крышу
веселье,
и приятно
на бис вызывать,
И такие бессмертные все мы,
что позволим
себя
убивать.

Процесс

«Так часто я выступаю с последним словом! Вот и сейчас наше [заседание] закончится, а потом – следующий суд, и там тоже последнее слово».

Кафка, а.к.а. А. Навальный

умчался дальше разоритель-ветер,
и твой ущерб еще не возмещен.
опять глаза опустишь, не ответишь,
зачем ты жив. и жив ли ты еще,
когда тебе и воздух не по силам,
когда – рубеж, когда на рубеже –
 провал,
когда к воспоминаньям милым
нет доступа. нет доступа уже.

когда не ты один устал навеки,
когда приставлен номер к именам,
когда мы стали так тяжеловеки,
что свет уже не проникает к нам,
когда в экранах восседают орки
и злой февраль подушки потрошит,
когда безглазый карлик мудрозоркий
на всех знаменах золотом расшит,
когда ущерб – забыт на всем готовом,
что нам в мозги вливают напролет,
когда очередным последним словом
нас мученик последний не проймет.

Varisco Serafino

«...не из нашего столетья».

Ахматова

Тот городок был новым для меня.
Я в нем нашла местечко потайное
У самой кромки озера. К нему
Спускаются заросшие ступеньки,
И дальше только озеро и я
Да чайки, накричавшиеся за день
И странно смирные.

Сюда живые звезды наблюдать
Без неживого городского света
Ходила три бессонницы подряд,
Едва во тьме ступеньки различая.
Потом три дня шел колыбельный ливень,
А может быть, три месяца – не помню,
Всегда с трудом я понимала время.
Нет, не всегда:
В одной из прошлых жизней
Был календарь расписан по часам,
И время подчинялось этой сетке,
И было исключительно квадратным.
Как хорошо, что это позади,
И время может течь совсем свободно
Или не течь вообще.

И вот спустя три дня или три года
Пришла я снова к узеньким ступеням –
И ничего не узнаю: туда ли
Попала я? Откуда этот свет
Торжественный? Неужто и сюда
Проникли фонари, и не осталось
На свете первозданных уголков?
Поблёскивали празднично ступеньки,

И, оступиться не боясь, я вниз
Почти бежала. Да, к воде, к воде! –
И – врезалась в серебряную стену,
И потеряла зрение на миг:

Луна!
Так вот какие полнолуния
Таит забытый богом городок!
Но что я говорю: «забытый богом»?
Не это ли – присутствие его?

И вот стою, лицом к лицу, как есть,
Благоговейно руки опустив,
Вся на свету, теряясь в этом свете,
На этом свете иль уже на том,
И строки не из нашего столетья
Текут через меня. Двадцатый век
Пришел не сразу по календарю:
Ждал девятьсот четырнадцатый год.
А эти строки явно довоенны,
Но знают всё о Первой, о Второй.
И в самом малом здешнем городке
Вы обелиск найдете с именами
Всех жителей погибших и пропавших,
И умерших впоследствии от ран.

Однажды возле маленькой часовни
В горах на одинокую табличку
Наткнулась я. Всего пять слов:

Soldato
Varisco Serafino
Пропал в России.

И ни лица, ни даты, ни намека,
Кто и когда его увековечил,
И почему на этой высоте.
Возможно, это был отец семейства,
И правнуки его живут на свете

И даже как-то съездили в Москву:
Вот фоточки на фоне Фьораванти,
Восторг в глазах, ушанки на морозе –
Как экзотична русская зима!
Возможно, это юноша безусый,
Единственный у матери, и та
Пережила его на сорок лет: подолгу
Живут здесь люди. Сорок лет ждала,
И даже больше, сорок и четыре,
Пока железный занавес не рухнул,
Но и за ним его не оказалось.
Как экзотична русская зима.

И вот стою, и все эпохи сразу
Текут через меня. Наверно, здесь
Портал для всех, кто памяти взыскует,
И в этой полнолунной тишине
Я чувствую присутствие в природе
Всех, кто до срока растворился в ней.
Об этом ли я думала, когда
Отправилась предсонно прогуляться?
Но с обелиском маленькая пьядца
И черная зеркальная вода,
И белая огромная луна
Меня вберут, со мною растворятся –
И не начнется новая война.

Поэт

Не спать, поскольку ты поэт.
Не плакать, ибо на виду ты.

И световых лишаться лет
Для ослепительной минуты.

И воскрешать, и воскресать,
Побыв на атомы разъятым.

И в Двадцать первом так писать,
Как будто ты убит Двадцатым.

И различать у братьев знак –
Невидимые пулевые.

И всё встречать и видеть так,
Как будто на Земле впервые.

Италия

